

О.П.Просьяник

Харьковский национальный экономический университет

им. С. Кузнеця

Восприятие концепции Ф. де Соссюра в советском и российском языкознании (на материале анализа журнала «Вопросы языкознания»)

Характер восприятия и освоения теории Фердинанда де Соссюра российскими лингвистами определяется революционной сменой парадигм в советском языкознании в начале 50-х годов XX века. Речь идет о радикальном переходе от научной парадигмы марризма к виноградовской лингвистической парадигме, наступивший после известных сталинских статей о языкознании, в которых сокрушительной критике было подвергнуто большинство положений яфетидологии и «нового учения о языке». Проблемность этой смены парадигм, однако, заключается в том, что «возвращая» советское языкознание в русло западноевропейской традиции, что стало необходимостью, учитывая послевоенные культурно-идеологические реалии, И. Сталин отправил его обратно в прошлое – в эпоху сравнительно-исторического и младограмматического языкознания. К тому времени европейское языкознание уже прошло фазу структурализма и начального функционализма, которые были результатом именно переработки взглядов Соссюра. Значительная часть послевоенных научных партнеров, особенно из стран так называемого социалистического лагеря, стояла именно на таких научных позициях. Взгляды Соссюра (или, точнее, взгляды, изложенные в «Курсе общей лингвистики») в то время уже были азбучными истинами и нормой лингвистического теоретизирования в Европе. С ними считались даже их противники. Чтобы компенсировать потерянное время и на уровне вести диалог с западными партнерами, необходимо было критически усвоить не только наследство пражского, женева и копенгагенского языкознания, но и концепцию самого Соссюра, из которой выросли все эти школы. Изменение парадигмы в

языкознанию имело и свое символическое выражение издательского характера. В январе 1952 года начато издание научного журнала «Вопросы языкознания», ставшего трибуной более соответствующих времени и состоянию европейской лингвистики взглядов в советском языкознании (можно их назвать одновременно более прогрессивными и более официальными – соответствующими генеральной идеологической линии, которая господствовала в стране).

Произведения Ф. де Соссюра выходили на русском языке в свет трижды: первое в СССР издание «Курса общей лингвистики» вышло в 1933 году в переводе А. М. Сухотина, под редакцией и с примечаниями Р. О. Шор [Соссюр 1933], второе издание всех известных работ Ф. де Соссюра появилось в 1977 году, которое включало в том числе и новую редакцию перевода «Курса общей лингвистики» А. А. Холодовича с его же комментариями [Соссюр 1977] и, наконец, третье издание научных трудов швейцарского лингвиста вышло в 1990 году под названием «Заметки по общей лингвистике» в переводе Б. П. Нарумова и под редакцией Н. А. Слюсаревой [Соссюр 1990]. Издание работ ученого обычно совпадает с активизацией внимания языковедов к его наследию.

Определенным катализатором возбуждения интереса к очередной публикации обычно являются рецензии в центральных журналах, имеющих влияние на общественное мнение. Таким журналом в СССР, несомненно и справедливо, был (а в России до сих пор остается) «Вопросы языкознания». Журнал уже в 50-е годы стал авторитетным и влиятельным в научных кругах изданием и представлял собой почти единственный источник лингвистической информации и широкую платформу для официальной языковедческой дискуссии. Во втором номере журнала «Вопросы языкознания» за 1978 год была опубликована рецензия Р. А. Будагова на издание 1977 года «Труды по языкознанию» под редакцией А. А. Холодовича, что не могло не привлечь внимание научного сообщества к «Курсу общей лингвистики» [Будагов 1978]. Стоит вспомнить и некоторые

другие рецензии, в частности, в 1971 году Н. А. Слюсарева печатает статью в журнале «Филологические науки» «К выходу в свет критического издания «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра» [Слюсарева 1971], а в 1992 году была напечатана рецензия Н. Ю. Бокадоровой на работу Ф. де Соссюра «Заметки по общей лингвистике» в журнале «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка» [Бокадорова 1992]. Однако основной площадкой дискуссии вокруг взглядов Соссюра все же был журнал «Вопросы языкознания».

Мы провели статистический анализ ссылок на Ф. де Соссюра на страницах «Вопросов языкознания» за 58 лет (1952-2010 гг). На то, как публикации и рецензии на них в центральных журналах влияют на рецепцию взглядов лингвиста, могут свидетельствовать следующие данные: в 70-е годы в среднем имя Соссюра упоминалось в журнале «Вопросы языкознания» 30-40 раз в год, в 1978 году, сразу после опубликования рецензии Р.А. Будагова, это число выросло до 81, в 1979 году их было 67. Зато уже в 1980 году интерес снова падает и в 80-е годы среднее количество ссылок было 25. В 90-е и первой половине 2000-х гг. интерес к творчеству ученого оставался на том же уровне, и только в 2006-07 гг. появляются статьи В. Г. Кузнецова о Соссюре, после чего интерес к швейцарскому лингвисту несколько активизировался и в среднем его имя появляется в журнале 50 раз в год.

Посмотрим на содержательную сторону рецепции Соссюра в журнале «Вопросы языкознания». Уже в первом номере журнала в редакционной статье «Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал "Вопросы языкознания"» (далее ВЯ – О. П.) находим программное определение официального мнения о теории Соссюра: «"Социологический" подход к языку, демонстративно выдвигаемый в буржуазном языкознании, в учении де Соссюра и его школы на самом деле приводит к отрицанию общественной сущности языка. Непонимание общественной сущности языка и роли языка в обществе, идеалистическая трактовка самого общества как суммы индивидуумов вызвали искусственное и объективно

неоправданное членение истории языка на "внешнюю" и "внутреннюю", а также противопоставление "синхронии" и "диахронии", приведшее, в конце концов, к "панхронии" и "ахронии", т. е. к отрицанию законов истории языка как общественного явления» [Задачи 1952: 8]. Интересно, что авторы статьи очень четко осознали, какую угрозу диалектическому материализму несет панхроническая теория системности. Указано также на «идеалистический характер» теории знака и недопустимость для советского языкознания противопоставления языка и речи. Концепция Соссюра была названа «абстрактным психологизмом» и именно здесь была приведена известная цитата, которая затем станет обязательной при комментировании и критике взглядов швейцарского лингвиста: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя». В этом же духе была выдержана и программная статья В. В. Виноградова «Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания» [Виноградов 1952], в которой автор обвинил Соссюра в полном отрыве внутреннего и внешнего в развитии языка, назвал его взгляды буржуазно-идеалистическими и ввел еще одну тенденцию, которой потом долго будут придерживаться советские языковеды – противопоставил взгляды Соссюра и И. А. Бодуэна де Куртенэ. Вообще «антиисторизм» Соссюра и его «отрыв синхронии от диахронии», отрицание им развития языка, – это самые частые упреки в адрес лингвиста в первой половине пятидесятих годов (находим их в статьях Б. В. Горнунга в 4'52, О. С. Ахмановой в 3'53, А. И. Смирницкого и О. С. Ахмановой в 4'53, А. И. Смирницкого в 2'55, В. А. Ильиша в 2'57). Стоит отметить, что это были остатки традиционно марксистской довоенной критики Соссюра, что справедливо отметила сама О. С. Ахманова. Ахманова же выделила еще одно ключевое положение соссюровской концепции, которое могло существенно угрожать советскому языкознанию, – антисубстанциализм (реляционизм). Ближе к середине пятидесятих появляется новый ряд претензий к Соссюру: противопоставление «социальности языка индивидуальности речи»,

разделение лингвистики на внешнюю и внутреннюю, «отрыв языка от мышления», «асистемность истории языка», имманентный и статический характер языка (Р. Г. Пиотровский в 1'54 и 4'57, А. Н. Финкель в 6'54, В. Г. Адмони в 6'56, С. Л. Рубинштейн в 2'57, Е. О. Седельников в 4'58, Я. Б. Крупаткин в 6'58), хотя не оставался вне критики и традиционный соссюрковский «идеализм», антисубстанциализм и психологизм (А. С. Мельничук в статье «К оценке лингвистического структурализма» в 6'57, В. И. Григорьев в 4'58 или В. М. Жирмунский в 5'58). Среди положительных моментов общим местом было лишь указание на заслуги Соссюра в открытии хеттских ларингалов и в историческом языкознании в целом (А. В. Десницкая, Вяч. Вс. Иванов, С. Д. Кацнельсон, Л. А. Булаховский).

Однако в первой половине пятидесятых годов начали появляться единичные позитивные реакции на методологическую концепцию швейцарского языковеда. Заслуживает внимания рецензия Г. В. Степанова на книгу Х. Касареса (3'53), в которой было представлено достаточно объективное описание взглядов Соссюра, хотя в конце рецензии все же появляется «дежурная» фраза об антиисторизме Соссюра, к тому же взгляды швейцарца называются социологическими (а не психологическими, как в редакционной статье 1952 г.). Уже в статье 1955 г. «О понятии „изоморфизма” лингвистических категорий» та же О. С. Ахманова, которая в 1952 году писала об угрозе реляционизма, отзывається положительно о соссюрской идее системных отношений, основанных на «тождествах и различиях» (3'55). Еще более откровенно о пригодности для лексико-семантического анализа идеи системных отношений, которые определяют место единицы в системе, Ахманова пишет в статье «О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии», созданной совместно с В. В. Виноградовым и Вяч. Ивановым (3'56). А в статье в №1 за 1957 год она прямо называет Соссюра «выдающимся лингвистом».

Первые две статьи в ВЯ, в которых открыто указывается, что системно-синхронические взгляды Соссюра имеют большое значение для описательной грамматики, были опубликованы уже в 5 номере за 1953 год. Это были работы украинского лингвиста А. А. Билецкого «О курсах общего языкознания в государственных университетах» и представителя Пражского лингвистического кружка О. Лешки «К вопросу о структурализме (две концепции грамматики в Пражском лингвистическом кружке)». Чешский автор поставил вопрос довольно смело, как на тогдашние советские стандарты. Он откровенно признал системно-функциональное понимание Соссюром языка совершенно правильным. Польский лингвист С. Штибер также прямо пишет в статьях в № 4 за 1955 и № 3 за 1957 год, что соссюровское различение социального и индивидуального факторов, а также его теория отношений является существенным шагом вперед в мировом языкознании. Показательно, что уже в передовой редакторской статье в № 4 за 1956 год «О некоторых актуальных задачах советского языкознания» взгляды Соссюра на язык и речь объявляются «диалектикой потенциального и актуализированного». Поэтому после падения сталинизма в СССР в языкознании наступает новая эпоха – признания Соссюра выдающимся лингвистом, который создал основы современного лингвистического теоретизирования.

После этого в ВЯ разворачивается широкая дискуссия между явными противниками взглядов Соссюра (Б. В. Горнунгом, В. И. Абаевым, Т. С. Шарадзенидзе, А. Грауром, В. С. Панфиловым) и его сторонниками (С. К. Шаумяном, А. А. Реформатским, В. Н. Топоровым, И. И. Ревзиным, М. И. Стеблиным-Каменским, Ю. Д. Апресяном, И. И. Мещаниновым). Интересная в связи с этим полемика состоялась в 1957 году в Институте языкознания АН СССР (4'57). Полемике предшествовала большая статья с основательным анализом взглядов Соссюра «О сущности структурной лингвистики», которую печатает в № 5 за 1956 С. Шаумян. Здесь впервые внимание обращается на такие ключевые понятия концепции швейцарского

лингвиста, как ценность и семиологическая сущность языкознания. Советские и зарубежные ученые начинают замечать близость взглядов Соссюра и Бодуэна де Куртенэ (Вяч. Вс. Иванов в 3'57, М. Карась в 4'58, Н. А. Слюсарева в 2'60, Л. Г. Зиндер в 3'66), С. О. Карцевского и Пражской школы в целом (Н. С. Поспелов в 4'57, С. И. Бернштейн в 5'62), Ф. Фортунатова (А. А. Реформатский в 6'57) или Э. Дюркгейма (В. Дорошевский в 5'56), а также отмечают функциональный характер его концепции (Ф. Микуш в 1'57).

Важной вехой в истории научной рецепции советскими языковедами теории Соссюра могла бы стать статья французского лингвиста Марселя Коэна («Современная лингвистика и идеализм» в 2'58), где впервые за время полемики отчетливо прозвучал тезис, что Соссюр не написал книгу «Курс общего языкознания», что рядом с терминами *langue* и *parole* у него есть еще понятие *discours*, что означаемое и означающее не могут быть составляющими знака, наконец, что большинство терминов и понятий, введенных Соссюром, употребляется не в соссюрском понимании. Эта статья, к сожалению, не нашла серьезного отклика среди советских лингвистов (как сторонников, так и противников швейцарского лингвиста), воспринимавших «Курс» как догму. Как до, так и после этого «Курс» цитировался исключительно в духе «Соссюр пишет ...», «Соссюр считает ...», «Соссюр говорит ...». Постепенно полемика вокруг взглядов Соссюра отходит на второй план. Ученые начинают обращаться к конкретным положениям швейцарского ученого, чтобы на их основе развивать собственные концепции. Прежде всего, это касалось теории синтагмы (Н. Н. Прокопович в 5'59), теории речевой деятельности (А. А. Леонтьев в 3'62), понятия системности (М. М. Маковский в 6'65).

Важное место в рецепции взглядов Соссюра в СССР имела деятельность Н. А. Слюсаревой, которая, начиная с 1960 года последовательно пыталась открыть советским лингвистам «другого» Соссюра. Первая попытка была предпринята ею в рецензии на труд Р. Годеля «Les sources manuscrites du

«Cours de linguistique générale» de F. de Saussure» в ВЯ № 2 за 1960 год. Впервые в советской научной прессе было однозначно сказано о том, что значительная часть положений «Курса» (включая и известную фразу, которой завершается книжка) не принадлежали Соссюру, а были внесены в его концепцию издателями. Здесь же подчеркивается необходимость переиздания книги с комментариями Р. Годеля (поскольку единственным изданием в этот момент был том 1933 года, который к тому времени стал уже библиографической редкостью). Как известно, старания проф. Слюсаревой увенчались успехом лишь 30 лет спустя, когда были опубликованы «Заметки по общей лингвистике». На общий же уровень рефлексии над соссюрским наследием ее ранние работы не имели влияния.

Показательно, что в 60-70 годы интерес к концепции Соссюра резко падает. Правда, в статьях в «Вопросах языкознания» все время встречаются ссылки на те или иные положения «Курса». Но делалось это уже чисто механически, наспех и поверхностно, зачастую формально. Упоминаются, традиционно, разделение на язык и речь, теория синтагм, ларингальная теория, билатеральная теория знака, реляционная сущность языковых единиц или просто указывается, что тот или иной ученый стоит на соссюрских позициях. Лишь изредка можно встретить здесь какую-то существенную полемику или какой-то существенный анализ взглядов швейцарского лингвиста. Создается впечатление, что все уже сказано и все всё для себя выяснили – как противники, так и сторонники. А. А. Леонтьев в рецензии на труд Т. Слама-Казаку даже высказался следующим образом: «концепция "Курса" Соссюра в этой своей части в настоящее время представляет уже чисто исторический интерес» (3'62).

Определенными исключениями за все 60 и 70 годы были: содержательный анализ соссюрских тезисов о ценности и двусторонности знака Г. В. Рамишвили в рецензии на сборник «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике» в № 6 за 1962 год, обоснование

соссюровской идеи «разницы» как основы существования языка А. В. Исаченко (2'63), а также выяснения т.н. «формализма» и реляционизма Соссюра А. В. Гладким (3'66) и И. П. Сусовым (4'71), анализ и реабилитация ключевого для концепции Соссюра понятие языковой деятельности Н. Д. Андреевым и Л. Р. Зиндером (3'63) – стоит отметить, что в этой статье авторы обращают внимание на то, что понятие langage в советской лингвистике практически полностью осталось вне поля внимания, а омонимия терминов «речевая деятельность» (в значении 'langage' и в щербовском понимании совокупности речевых актов) приводила или к отождествлению langage с речью, или же к пониманию его как совокупности конкретных parole. Этому же вопросу были посвящены также рецензия О. С. Ахмановой на журнал «Диоген» (2'1966) и серьезное научное исследование В. Я. Мыркина «Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык – речь» (1'70). Одной из наиболее глубоких статей, посвященных непосредственно анализу понятий соссюровской концепции в это время, была статья Е. С. Кубряковой «О понятиях синхронии и диахронии» (3'68).

К значимым, хотя и критически-негативным исследованиям этого периода следует отнести статью бывшего марриста В. И. Абаева, направленную против «антиисторизма», «формализма» и «модернизма» Соссюра, противопоставляемых им теории Гумбольдта (3'65). Середина 60-х гг. стала временем постепенного возрождения «динамической» концепции Гумбольдта, которая сразу стала противопоставляться «статической» теории Соссюра. Попытки сторонников Соссюра отстоять динамизм и функционализм его позиции (например, А. М. Щербак в 6'65 или П. С. Кузнецов в 4'66) успехов не имели.

В 1963 году разворачивается дискуссия вокруг проблемы соотношения языка и речи (см. 2'63), в которой большинство авторов подвергло критике дистрибуции понятий социальности и индивидуальности относительно этих явлений (к сожалению, никто не отметил, что противопоставление языка и

речи по указанному признаку у Соссюра носит не онтологический, а каузальный характер). Подобная дискуссия с заранее заданной установкой на критику соссюровских взглядов была освещена в № 6 за 1972 год. Лингвисты снова возвращаются к «антиматериалистическому» реляционизму понимания Соссюром языка (Л. С. Бархударов в 3'73 и А. С. Мельничук в 6'76, который сделал в этой статье интересное и очень справедливое замечание о кантианских истоках соссюровского реляционизма), «недиалектическому» различению языка и речи (В. В. Акуленко в 3'74), антинаучности различия синхронического и диахронического подходов в языкознании (Р. А. Будагов в 3'75). Новым упреком Соссюру стала объективизация им (а фактически, издателями «Курса») языка и отрыв его от мышления и сознания конкретного человека. С таким упреком выступил в статье «Отражение реальности в языке и проблема языкового знака» В. З. Панфилов (3'75). На фоне предыдущих претензий к Соссюру за его психологизм это замечание выглядит довольно странным. К редким в то время положительным оценкам взглядов швейцарского лингвиста можно отнести рецензию Слюсаревой на Э. Ф. К. Кернера, в которой впервые советские ученые были проинформированы о публикации Рудольфом Энглером текстов соссюровских заметок (во втором томе критического издания «Курса» в 1974 году [Saussure 1974]). Это и неудивительно, ведь Слюсарева в то время работала над монографией о Соссюре [Слюсарева 1975] и, возможно, уже тогда планировала публикацию его заметок, которую она осуществила лишь в 1990 году.

И все же один из постулатов Слюсаревой в защиту Соссюра был реализован. В 1977 году выходит новое издание «Курса», дополненное его ранней диссертационной работой «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках». Появился новый повод обратиться к первоисточникам.

После выхода уже упоминавшейся рецензии Р. Будагова в журнале «Вопросы языкознания» интерес к Соссюру в СССР заметно активизировался. Интересно, однако, что далеко не все языковеды заметили, что вышло новое издание Соссюра, и продолжали ссылаться на издание 1933 года. Следовательно, на эту активность влияло не само издание и не сама рецензия, а возбужденный рецензией публичный интерес. Принципиальное отношение к концепции не изменилось. Хотя и появились новые акценты. Так, например, Т. С. Шарадзенидзе (2'79), которая ранее резко критиковала Соссюра, теперь пишет статью о том, что большинство положений его концепции было известно и до него, а значительную часть его открытий сделал Бодуэн де Куртенэ. В. З. Панфилов и Ф. П. Филин, реагируя на новое издание, еще раз напомнили советским лингвистам о буржуазном характере соссюровского реляционизма (4'79 и 2'80), а Г. В. Колшанский – о недопустимости чрезмерного абстрагирования в языкознании, виновником которого, по мнению Колшанского, был именно Соссюр (6'79). Популярным стало признавать «очевидные» истины (открытые Соссюром), но при этом преуменьшать его значение, указывая на более ранние источники – от античности и Гумбольдта до Бодуэна де Куртенэ и Пирса. Любимым упреком этого периода стали претензии к Соссюру за то, что он не разработал «лингвистику речи», а сосредоточился только на «лингвистике языка». Будагов к этому добавляет «ошибочность» противопоставления Соссюром коммуникативной и выразительной функций языка (3'81). Несмотря на то, что несколько раз разные ученые сообщали, что фразу об изучении языка «в себе и для себя» создал А. Сеше, лингвисты продолжали приписывать ее Соссюру. Никак не отразился на рецептивном сознании авторов статей в ВЯ в 80-е годы и широко известный уже в то время факт, что Соссюр не писал «Курса». Многие и далее отождествляли наиболее радикальные формулировки «Курса» со взглядами швейцарского лингвиста (см. В. З. Панфилов 6'82). Издание 1977 года только усилило эти убеждения.

Ни критические анализы советских языковедов второй половины 50-х годов, ни труды Р. Годеля [Godel 1957] и Р. Энглера [Engler 1962] (о которых информировала языковедческое сообщество Н. А. Слюсарева) не поколебали уверенности в том, что Соссюр был против признания идеи развития языка (Г. О. Климов в 3'83), был сторонником абстрактной статичности языка (А. Л. Пумпянский в 1'83), отождествлял parole и langage (А. И. Моисеев в 6'83), был сторонником уровневого строения языка (Я. Б. Крупаткин в 3'84), считал мышление и память «неоформленной массой», которую оформляет язык (Ю. В. Зыцарь в 4'84), предлагал изучать язык без связи с речью (В. П. Даниленко в 3'88).

В этот период немного было ученых, которые продолжали развивать основы соссюровской лингвистики (С. Д. Кацнельсон, Н. А. Слюсарева, А. Г. Григорян, А. Н. Савченко, А. Д. Дуличенко). Впервые на заметки Соссюра (а не на «Курс») сослался в своей статье «Происхождение и типология алфавитной системы письма (письменные системы раннехристианской эпохи)» Т. Г. Гамкрелидзе в ВЯ №5 за 1988 год (до издания заметок на русском языке было еще два года!).

Несмотря на то, что в 1990 году выходят «Заметки по общей лингвистике», которые, во-первых, демонстрировали еще советскому в то время лингвистическому миру «нового», «иногo» Соссюра, а во-вторых, впервые представляли аутентичные дневники и черновики лингвиста, реакции на книгу в ВЯ не было. Первые годы 90-х отличались полной маргинализацией соссюровских взглядов. Упоминания были спорадичными, единичными и в основном касались исторической грамматики и «Мемуара». В конце 1994 года и в начале 1995 года в ВЯ печатаются две большие работы, посвященные взглядам Соссюра – обе авторства уже покойных на то время А. М. Сухотина (6'1994) и В. В. Виноградова (1'1995), выдержанные в духе старого «Курса» (что естественно) и без каких-либо комментариев, которые хоть как-то соотносили устаревшие к этому времени публикации с новоизданными материалами. В статье, напечатанной в ВЯ №5 за 1995 год,

В. М. Алпатов вынужден напоминать коллегам историю создания «Курса», однако и он не выражает никакого отношения к «Заметкам», и пишет, что А. Сеше и Ш. Балли передали в «Курсе» аутентичные взгляды самого Соссюра. Особого внимания здесь заслуживает лишь статья В. С. Юрченко «Реальное время и структура языка (к философии языкознания)» в № 3 за 1993 год, в которой впервые четко объяснено, что реальное текущее время (диахронию) Соссюр приписывал только речевым фонетическим единицам (что подтверждают новые материалы, найденные в 1996 году). Таким образом, на протяжении всех 90-е годов в ВЯ не было ни одной прямой ссылки на «Заметки по общей лингвистике». Во второй половине девяностых годов Соссюр интересовал лингвистов, прежде всего, как пионер семиотики и ссылки на его теорию сосредоточены, в основном, на понятии произвольности знака.

В начале третьего тысячелетия ситуация существенно не изменилась. Лингвисты продолжали работать только с каноническим «Курсом». Первая прямая ссылка на «Заметки» было сделана И. Г. Меликишвили в статье «Линейность языкового знака с точки зрения фонологических закономерностей (к целостной и телеологической интерпретации языкового знака)» в ВЯ №3 за 2001 год. Однако, выводы о линейности знака, которые делает языковед, выдержаны строго согласно «Курсу». Следующая цитата из «Заметок» появляется в ВЯ, 3'2004 (статья А. Мустайоки и М. Копотева). Особое место в рецепции Соссюра в новом тысячелетии занимают три больших статьи В. Г. Кузнецова: «Ф. де Соссюр и А. Сеше. Место работы А. Сеше "Программа и методы теоретической лингвистики" в истории языкознания» (2'2006), «Учение Ф. де Соссюра в свете соссюрологии» (5'2006), а также «Ф. де Соссюр и Женевская школа: от "языка" к "речи"» (6'2007), в которых можно найти активное использование новых материалов 1990 года. Именно здесь впервые (кроме «Заметок») употребляются термины *языковая деятельность*, *discours*, *discursif*, реинтерпретируется соотношение индивидуального и социального в языке и речи, а также

динамики и статики в речевой деятельности. Здесь также читатель узнает об интерпретации взглядов Соссюра А. Сеше и, частично, Ш. Балли.

К сожалению, эти статьи, как и сам их автор, остались незамеченными в информационном потоке стереотипного понимания соссюровской теории согласно «Курсу». В статьях в ВЯ 2007-2010 годов никто ни разу не упоминает о «Заметках» и о реинтерпретации взглядов Соссюра Н. А. Слюсаревой и В. Г. Кузнецовым.

Не изменилась ситуация и после обнаружения в оранжерее дома Соссюров в Женеве в 1996 году совершенно новых автографических материалов, качественно отличающихся как от «Курса», так и от разрозненных «Заметок», – черновика монографической рукописи «De l'essence double du langage», опубликованного в 2002 году в книге «Ecrits de linguistique générale» под редакцией С. Буке и Р. Энглера [Saussure 2002]. Создается впечатление, что российские лингвисты не только не заинтересовались, но и вообще ничего не слышали об этом издании. Даже все статьи В. Г. Кузнецова, которые появились в ВЯ после 2010 года, сосредоточены на годелевской (1957 года) или энглеровской (1962 года) интерпретации взглядов Соссюра, а не на аутентичных автографах ученого. И только в 2016 в № 2 ВЯ В. Г. Кузнецов впервые ссылается на «Ecrits de linguistique générale» 2002 г. Возможно, наши усилия обратить внимание на «нового» Соссюра, которое мы предприняли в монографии [Просьяник 2018], увенчаются успехом и научное сообщество, наконец, займется пересмотром стереотипов и мифов, которыми за последние сто лет «обросла» концепция швейцарского лингвиста.

Литература

1. Engler, R. *Théorie et critique d'un principe saussurien: L'arbitraire du signe* „Cahiers Ferdinand de Saussure”, № 19, 1962, p. 5–66.
2. Godel, R. *Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure*, Geneve – Paris: Droz, 1957.
3. Saussure, F. de. *Ecrits de linguistique générale*, Paris: Gallimard, «Bibliothèque des idées», 2002.

4. Saussure, F. de. Cours de linguistique générale, édition critique par Rudolf Engler. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, Tome 2, 1974.
5. Бокадорова, Н. Ю. *Рец. на кн.: Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Пер. с франц. Б. П. Нарумова; Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н. А. Слюсаревой.* – М.: Прогресс, 1990, «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», Москва: Наука, 1992, т. 51, с. 99-102.
6. Будагов, Р.А. *Рец. на: Ф. де Соссюр, Труды по языкознанию, перевод с французского языка под редакцией А. А. Холодовича.* – М., «Прогресс», 1977, 695 стр., «Вопросы языкознания», 1978, №2, с. 125-129.
7. Виноградов, В. В. *Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания,* «Вопросы языкознания», 1952, №2, с. 3-43.
8. *Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал „Вопросы языкознания”,* «Вопросы языкознания», 1952, №1, с. 3-40.
9. Просяник, О. П. Фердинанд де Соссюр: деміфологізація концепції, Харків: Харківське історико-філологічне товариство, 2018.
10. Слюсарева, Н. А. *К выходу в свет критического издания «Курса общей лингвистики» Ф.де Соссюра,* «Филологические науки», 1971, № 4, с. 56-64.
11. Слюсарева, Н. А. *Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики.* Москва: Наука, 1975
12. Соссюр, Ф. де. *Заметки по общей лингвистике,* Москва: Прогресс, 1990.
13. Соссюр, Ф. де. *Курс общей лингвистики,* Москва: СОЦЭКГИЗ, 1933.
14. Соссюр, Ф. де. *Труды по языкознанию,* Москва: Прогресс, 1977.

Recepcja koncepcji F. de Saussure'a w językoznawstwie radzieckim i rosyjskim (na materiale analizy czasopisma «Woprosy Jazykoznanija»)

Po odnalezieniu i opublikowaniu w 2002 roku brudnopisu monografii F. de Saussure'a «De l'essence double du langage» («O dwoistej istocie działalności językowej») napisanej bezpośrednio przez lingwistę można mówić o „nowym” Saussurze. W artykule została poddana analizie recepcja koncepcji Saussure'a w językoznawstwie rosyjskim od lat 50. XX wieku do obecnych czasów. Autor analizuje publikacje dotyczące poglądów Saussure'a, które się okazały w czasopiśmie językoznawczym „Woprosy Jazykoznanija” jako podstawowej platformy dyskusyjnej radzieckiego i współczesnego rosyjskiego językoznawstwa.

Słowa kluczowe: *lingwistyka, koncepcja lingwistyczna, F. de Saussure, «Woprosy Jazykoznanija», recepcja.*

The reception of Saussure's conception in Soviet and Russian linguistics (on the material of the analysis of the journal "Voprosy Yazykoznanija")

Since the rough copy of F. de Saussure's book «De l'essence double du langage» («On the Dual Essence of Language»), written with the linguist's own hand, has been discovered and published, we speak of a «new» Saussure. The paper studies the reception of Saussure's conception in Russian linguistics from the 1950-s up to now with the focus on its periodization. The author analyzes publications concerning the views of Saussure in the journal "Voprosy Yazykoznaniya" as the main discussion platform of Soviet and contemporary Russian linguistics.

Key words: *linguistics, linguistic conception, F. de Saussure, "Voprosy Yazykoznaniya", reception.*

"Questions of Linguistics"